

Константин Бальмонт

ЗЛЫЕ ЧАРЫ

Книга заклятий

Долго ночь меркнет; заря свет
запала; мгла поля покрыла.
Кровавые зори свет поведают;
черные тучи с моря идут; хотят
прикрыти четыре солнца; а в
них трепещут синие молнии.
Слово о полку Игореве

ОТСВЕТЫ РАКОВИН

О, жемчуг слов, отысканный
в морских глубинах сердца, твои
узоры красивы, но смысл твой
горек, как морская вода.
Космогония Майев

ЗОВ

Я оваян дыханьями многих морей,
Я склонялся над срывами гор,
Я молился ветрам: «О, скорее, скорей!»,
Я во всем уходил на простор.

Я не знаю цепей, я не ведаю слов
Возбранить чьи б то ни было сны,
Я для злейших врагов не хотел бы оков,
А желать бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнее скорбей
На разгульном пиру бытия,
Я оваян дыханьями вольных морей,
Будьте вольными, братья, как я!

НО ЕСЛИ

Но если ты снежный
И если морозный, –
Хотя я и нежный,
Все ж буду я грозный.

Рожденный от света
Не знает врага,
Но силой привета
Растопит снега.

Я вечная сила
Души полновольной,
Не помнит, что было,
Восторг мой безбольный.

Но если ты вдвое,
Да мучить других, –
Иное, другое
Расскажет мой стих.

ОРГИЯ ЖИЗНИ

Орел точит когти. Крадется волк прерий.
Сова направляет окольный полет.
Безжалостны птицы. Без жалости звери.
Безжалостность – свойство всех тех, кто живет.

Верховные гении этого мира,
Зарезанным горлом мы кормим свой день.
Нам трупы животных – услада для пира,
Тут нужная дева – бесчувственный пень.

Нередко мы думаем, будто растенья
Суть алость улыбки и нежный цветок.
Нет, в мире растений – борьба, убиенье,
И петли их усиков – страшный намек.

Ухватят, удушат, их корни лукавы.
И цвет орхидеи есть лик палача,
Люблю я растенья, но травы – удавы
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТАЛИСМАНЫ

Судьба на утре дней дала мне талисманы,

Число их было три, и разны смыслы их.
Один меня повел в неведомые страны,
И там я в первый раз влюбленный был жених.

Другой мне изъяснил искусство завладенья
Сердцами, – я сердец покорных не сочту.
А третий мне явил тропинку нисхожденья –
Не в глубину земли – в меня, в мою мечту.

И первый талисман, смеясь, я бросил в Море,
Второй швырнул в окно, быть может, подниму.
Но третий талисман – звезда в моем уборе,
Я верую теперь ему лишь одному.

ПИР ЛЮБВИ

Я бросил весело бокал.
Ребенок звонко хохотал.
Спросил его, чего он так.
Сквозь смех он молвил мне: – Чудак!

Бокал любви разбил, но вновь
Захочешь пить, любить любовь. –
И в тот же миг – о, как мне быть? –
Я захотел любить, и пить.

Куски я с полу подобрал,
Из них составил вновь бокал.
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пил, а только кровь.

ГРЕХ

Кто создал безумное слово,
О, слово постыдное: – Грех!
Чуть смоешь пятно, вот оно означается снова,
Мешает, меняет, глушит, и уродует смех.

Как жалкий воришка,
Запрячется в спальню, в углу притаится какмышь,
И смотрит – меж двух не случится ли в ласках излишка, –
Скривится, чу, шорох: «Довольно», «Не более», «Лишь».

Лишь то, а не это. Лишь тот, и не с этой, а с тою.
Вот только. Вот столько. Шипенье, шуршанье змеи.
О, дьявол убогий, кропишь ты святою водою,

Но где освятил ты поганые брызги свои?

Прочь! Прочь, говорю я!
Здесь грешен лишь тот, кто осмелится вымолвить: «Грех».
О, свежесть ручьев! О, смеющийся звук поцелуя!
Весна и разливы! Счастливый ликующий смех!

СМЕНА ЧАР

В детстве искра из камина
Брызнет, бросится – и нам
В этом целая картина,
Пляшут тени по стенам.

А поздней мы любим свечи,
И страницы старых книг.
После сказок – сказку встречи,
Поцелуй, любовь на миг.

После – пламенность, пожары,
Зажигать, сжигать, гореть.
А потом – какие чары?
Только – умереть?

РЕБЕНОК

Ребенок, весь светлый, так мило курчавый,
Сказал мне: «Иду за тобой я, – а ты?
За кем?» Распускались весенние травы,
Пестрели, желтели цветы,
И я, рассмеявшись, сказал: «За стихами.
Стихи – вон за тем мотыльком.
А он с ветерком – за цветками,
И вместе играют они лепестком».
– «А все они вместе?» – «За Солнцем веселым».
– «А Солнце?» – «За Тьмою». – «Как, Солнце за Тьмой?
Ты шутишь! Ты гадкий!» О, медом тяжелым
Наполнен цветок полевой!

ДЕТСТВО

Как прелестен этот бред,
Лепет детских слов.

Предумышленности нет,
Нет в словах оков.

Сразу – Солнце и Луна,
Звезды и цветы.
Вся Вселенная видна,
Нет в ней темноты.

Все что было – здесь сейчас,
Все что будет – здесь.
Почему ж ты, Мир, для нас –
Не ребенок, весь?

ТУЧКА

Ты родилась, чтоб тучкой быть,
Чтоб небо нежить и любить.
Но, измененная судьбой,
Уж ты не в бездне голубой.

Ты небо нажила легко,
Ты тучкой рдела высоко.
Но в страшный час, но в бурный час
Ты вниз, слезами, пролилась.

ИЗБУШКА

В лесу избушка малая
Стоит себе, одна.
Дрема раскрылась алая,
Окончилась весна.

Настали дни расцветные
Июльской красоты.
Вновь дума безответная:
О, где же, где же ты?

Надену цветные бусы я,
И сяду над рекой.
Поникнут косы русые,
Я думаю с тоской.

Ты мне сказал: «Желанная!
Опять к тебе приду».
И снова ночь обманная,
Опять напрасно жду.

Уж листья осыпаются,
Уж осень на дворе.
Уж стаи птиц скликаются,
За лесом, на заре.

И я ли не лелеяла
Заветные мечты!
А все их, все развеяло,
Как летние цветы.

Наплакалась, намучилась
Осенняя пора.
И плакаться соскучилась,
Уходит со двора.

Настали дни холодные,
Повсюду снег и лед.
Пути застыли водные,
И лишь метель поет.

Сугробы треплет белые,
Под кровлей шелестит.
За сучья онемелые
Зацепится, свистит.

Кричит как ведьма шалая,
И стонет тишина.
Моя избушка малая
В лесу одна, одна.

ДВА СТРОЯ

1

Я помню ясно. Все. Была весна.
Я болен, беден, жалок, я не понят.
Но разве не весной мечты хоронят?
В душе был страх, неподвижность, глубина.

Я медлил у высокого окна.
Мне мнилось: за стеною кто-то стонет.
Любимая, проклятая, жена –
Не слышно ей, что дух мой, дух мой тонет.

Я бросился на камни сквозь окно,
Но не было Судьбой мне суждено
Достичь конца чудовищной ошибки.

И я лежал, разбитый, на земле,
И слышал, как вверху, в лучистой мгле,
Роялю – отвечали звуки скрипки.

2

Прошли года. Я в прошлом вновь. Живу,
Я в память заглянул как в круг зеркальный.
Изломанный и спящий наяву,
Я в пропасти какой-то, изначальной.

Недосягаем свод Небес хрустальный.
Заклятый замок жизни весь во рву.
В разъятости двух душ, я, сон печальный,
Проклятым никого не назову.

Спасенный странной помощью Незримых,
Я все свои изломы исцелил.
Я встал с земли в сиянье свежих сил.

Но с этих дней, сквозь смех, меж двух любимых,
Два строя звуков дух мой различил:
Двойной напев – врагов непобедимых.

В МОРЯХ НОЧЕЙ

«Прощай, мой милый!» – «Милая, прощай!»
Замкнулись двери. Два ключа пропели.
Дверь шепчет двери: «Что же, кончен Май?»
«Как Май? Уж дни октябрьские приспели».

Стук, стук. – «Кто там?» – «Я, это я, Мечта.
Открой!» – Стук, стук. – «Открой! Луна так светит.
Молчание. Недвижность. Темнота.
На зов души как пустота ответит!

«Прощай, мой милый». Милый! Ха! Ну, ну.
Еще в ней остроумия довольно.
«Он милой назвал? Вспомнил он весну?
Пойти к нему? Как бьется сердце больно!»

Стук, стук. – «Кто там?» Молчание. Темно.
Стук, стук. – «Опять! Закрыты плохо ставни».
В морях ночей недостижимо дно.
Нет в мире власти – миг вернуть недавний!

ЗМЕИНЫЕ ВАЛЫ

Окопы древние, Змеиные валы,
Извивно-тяжкие мечты подземной мглы,
Кругосоздания из марева бесов,
Как перебраться к вам? – Через бездонный ров.
Созвездья слитные, вы, гроздя высоты,
Змеиноликости, и ты, Луна, и ты,
Звезда Вечерняя, венец свершенных дней,
Где путь к вам? – Чрез эфир, в котором нет путей.
О, души женские, плененные мечтой,
Вы, сочетавшие змеиность с красотой,
Вы, вы, желанные, скажите, как к вам путь? –
Через бездонность глаз. Дрожишь? Оставь. Забудь.

ОМУТ

Над омутом, жутко-немым, глянцевитым,
Ущербная светит Луна,
С лицом опрокинутым, странно неслитым
С покоем полночного сна.

Но слитная страшно с той пропастью властной,
С тем круглым застывшим жерлом,
Где прошлою осенью, ночью ненастной,
Они утопились вдвоем.

Они, эти странные бледные люди,
Которых встречал я весной,
Когда расцветали на влаге, как в чуде,
Кувшинки под новой Луной.

ПРИЗРАКИ

Птичка серая летает
Каждый вечер под окно.
Голосок в кустах рыдает,
Что-то кончилось давно.

Звуки бьются так воздушно,
Плачут тоньше, чем струна.
Но внимают равнодушно
Мир, и Небо, и Луна.

Над усадьбою старинной

Будто вовсе умер день.
Под окошком тополь длинный
До забора бросил тень.

Стало призраком свиданье,
Было сном, и стало сном.
Лишь воздушное рыданье
Словно память под окном.

Эти звуки тонко лились
Здесь и в дедовские дни.
Ничему не научились
Ни потомки, ни они.

Вечно будет тополь длинный
Холить траурную тень.
В сказке счастья паутинной
Раз был день, и умер день.

СЕВЕРНОЕ ВЗМОРЬЕ

Небо свинцовое, солнце неверное,
Ветер порывистый, воды холодные,
Словно приливная, грусть равномерная,
Мысли бесплодные, век безысходные.

Здесь даже чайками даль не осветится,
Даже и тучкою только туманится,
Раковин взору на взморье не встретиться,
Камешком ярким мечта не обманется.

Зимами долгими, скудными веснами
Думы подавлены, жизнь не взлелеяна.
Море пустынное, с темными соснами,
Кем ты задумано, кем ты осмеяно?

НАД МОРЕМ

По взморью иду я, по этому взморью, что зримо,
Хоть каждый я день и по этому взморью хожу.
Над Морем тоскую, что странно-воздушнее дыма,
Где помыслы сердца свою отмечают между.

Пустыня бурунов. Приливо-отливная сказка,
Извивность морей, пожелавших воздушными стать.
Их белая смерть. И опять. И другая завязка,

Раскаты громов. И затишье. И мертвая гладь.

О, люди! Как жалко мне нас! Если б только вы знали!
Какой бы ни принял я жертвы во имя людей?
Но нет разрешенья для нашей всемирной печали,
Как нет окончанья для пеня бездонных морей.

ХОД МОРЕЙ

Неугомонный ход морей,
Темно-зеленых вод
Нагроможденье гольшей
В какой-то склепный свод.
И это в долгой цепи дней,
И так за годом год.

Где Море – суша там была,
Где суша – глыбы вод.
Светись, душа, пока светла.
Все нежно, что цветет.
Играй среди добра и зла,
Нас в свой черед зальет.

И будем мы, в те дни свои,
Идти как грозность вод.
И если встретим бег ладьи,
Она в нас гроб найдет.
Мы будем в темном забытьи,
За годом долгий год.

НЕ ЗНАЮ

Я забыл, откуда я пришел,
Я, уйдя, не вспомню жизни здешней.
Я не знаю, мой ли произвол
Создал светлый призрак с дымом зол,
Осень предрешил в улыбке вешней.

Может быть, я сам свой вечный враг.
Может быть, под внешним дух склоняю.
Больно мне, но это вечно так,
Я – письмен безвестных странный знак,
Вписан – да, но для чего – не знаю.

КРУГОВОРОТ

Нам всем дается день, один, и ночь одна.
Потом проснемся мы, но утро – в Запредельном.
Но в этом дне одном есть осень и весна,
Весь долгий пышный год, с своим узором цельным.

Мы не хотим понять, что наш круговорот
Включает лес, поля, сады, луга, и горы,
Что в нем есть вся Земля, бездонность вечных Вод,
И Небеса небес, где пьют бессмертье взоры.

Мы не следим за тем, как тайный циферблат
Меняется от двух кружащихся движений.
И звук двенадцати, полночный бой расплат,
Есть стон нежданности и вопли угрызений.

И кладбище потом. И маски мертвых лиц.
Не тех, что умерли, а тех, что вот, все живы.
Как не похожи мы на рой отлетных птиц,
Как не похожи мы на золотые нивы!

ДОМОЙ

Звук осеннего прибоя

Прибой растет,
Гудит, поет.
Прибой живет
Свинцовых вод.

Немолчный гул.
Весь мир уснул.
Одни валы
Поют из мглы.

Поют, зовут
На грозный суд
Неспящий ум,
Упорность дум.

Прошло, прошло,
Что так светло
Смеялось нам,
Манило к дням.

Растратив дни,
Задув огни,

Ушли мы прочь
От света в ночь.

И вот прибой
Нам шлет гурьбой
Могильный рой: –
В гроба! Домой!

ЧУДОВИЩЕ С КЛЕЙМОМ

Я опустил свой лот. Мой лот – до дна морей.
Я смерил глубину всех вмятых океанов.
Я был во всех домах. Стоял у всех дверей,
Вкусил от меда пчел. Изведал яд обманов.

Мне имя – Легион, среди гениев, чей знак –
Вопрос, всегда вопрос, повсюду вопрошанье.
Я раздвоил весь Мир. Полярность. Свет и Мрак.
Вновь слил я Свет и Тьму. И цельным сделал Зданье.

Но жить в нем не хочу. Я знаю все углы.
Святая летопись, но на звериной коже.
Все – безразлично, что, кроты или орлы –
Чудовище с клеймом: Всегда-Одно-и-То-же.

МОЛИТВА ПОСЛЕДНЯЯ

Боже, не дай мне людей разлюбить до конца.
Вот уже сердце, с мучительной болью, слабее, слабее.
Я не о них, о себе умоляю всекрасивого Бога-Творца.
Отвращенье уродует все выраженье лица.
Люцифер светел как Змей, но в остывшем, уставшем, склонившемся Змее
Червь просыпается. Ненависть, вспыхнув огнем,
Падает – до равнодушья, и стелется скользким червем.
Страшно мне. Лучше – любить недостойных.
Думать нельзя бесконечно о войнах.
Лучше простить. Позабыть. Отдаваться. Иного не жаждать венца.
Низким отдать все свое. Но душою быть в помыслах стройных.
Боже, не дай, о, не дай мне людей разлюбить до конца!

МИРОВЫЕ РОЗЫ

Крик белоликого

Мне снятся розы красные,
И золотисто-чайные,
И нежно-снежно-белые,
Но радости мне нет.
Сверкания прекрасные,
Цветы необычайные,
Но стонут сны несмелые,
Что страшен черный цвет.

Мой сад – Земля обширная,
И весны в нем повторные.
Сплетенья многозвездные
Меняют свет и тьму.
Но тает сказка пирная,
Встают виденья черные,
И болты мне железные
Велят упасть в тюрьму.

Как цепи снять ужасные?
О, как сломлю те болты я?
О, где вы, братья смелые?
Как снять нам этот гнет?
Сперва царили Красные,
Потом царили Желтые,
Теперь кончают Белые,
За Черными черед.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ПОЛЕ

Ровное, чистое,
Поле пустое,
К недостижимому,
Счастьем любимому.
Счастье, блеснешь ли когда?

Только пойдешь к тебе,
Только речешь Судьбе:
Дай же мне, дай мне мой Рай,
Поле меняется,
Путь затрудняется.
Рыгвины, вот, примечай.

Темные пропасти,
Страшные лопасти
Жадно-разъятых цветов,
Дьяволом сеянных,
Ведьмой взлелеянных,
Ведьмой повторности снов.

Тех же все тающих,
Ум ослепляющих,
В омут ведущих, во рвы.
Сонными чарами,
Чадом, кошмарами
Дышат все стебли травы.

И засыпаешь ты,
Сонно блуждаешь ты,
Падаешь, тянешься ввысь.
Ты изуродован;
Весь обнародован,
Явность ты, липкость, и склизь.

Сыты ли лопасти?
Полны ли пропасти?
Кто их наполнит, и чем?
В снах повторительных,
Вечно-мучительных,
Слеп ты, и глух ты, и нем.

Вдруг все окончено.
То, что утончено,
Рвется, бледнеет – и вот
Снова на воле ты,
Снова на поле ты,
Снова дорога – зовет.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

Кто найдет Одолень-траву,
тот вельми себе талант
обрящет на земли.
Народный травник

Одолень-трава.
Я среди чужих.
Стынут все слова,
Замирает стих.
Я среди людей,
Нет житья от них,
Помоги скорей,
Дай мне спеть мой стих.
Ты, как я, выросла
Меж полей, в лесах,
Под Луной светла
На немых волнах.
Ты печальница,

Нежный цвет твой бел,
Ты купальница,
Водяной прострел.
Пала молния
В безглагольность вод,
Пала молния,
И цветок цветет.
Одолень-трава,
Уж который год
Ты светло-жива
Меж зеркальных вод.
Я блуждал скорбя,
Меж пустых полей,
Я нашел тебя,
Помоги скорей.
Одолей ты мне
Не обрывы гор,
Где на темном дне
Шепчет темный бор.
О, не мрак лесной,
И не тьму ночей,
И не омут злой,
И не ширь степей.
Одолень-трава,
Одолей ты мне
Тех, в ком жизнь едва
Тлеет в тусклом сне.
Кто, как мертвый гнет,
Тяготит мечты,
Меж зеркальных вод
Не узнав цветы.
Ты всегда жива,
Талисман лучей,
Одолень-трава,
Одолей людей.

МИРОВОЕ ДРЕВО

Под старым дубом я сидел.
Кругом тепло, светло.
А старый дуб гудел и пел.
Я заглянул в дупло.

Там был пчелиный дикий рой.
Они жужжат, поют.
Красавец леса вековой
Минутным дал приют.

Не также ль мы жужжим, поем

В пещерах мировых?
В дуплистом Небе, круговом,
Поем судьбы свой стих,

Но нас не слышит Игдразиль
Таинственных судеб.
Мы в мед сольем цветную пыль,
Но мед наш сложим в склеп.

И лишь в глубокий час ночей,
Когда так вещи сны,
Узор звездящихся ветвей
Нам светит с вышины.

К НЕБУ

Небо, тебя я пою,
Напевом прерывным.
Небо, тебя я пою,
Красоту голубую твою.
Но ты мне не будешь отзывным.
Все, что в себе ты таишь, колыбель несосчитанных звезд,
Ты для себя создаешь, и лелеешь, качаешь,
Бросишь кометы, планеты кругом расцвечаешь,
Бездну вспоишь и над бездною вытянешь мост.
Но на призыв, на призыв лишь загадками мне отвечаешь,
Ты – водоем,
Вечно в себя из себя истекаешь, играешь, колодец эфирный.
Ты – водоем,
Взглянешь – утонешь в богатстве твоём.
Если кому быть богатым, так Бездне, конечно, всемирной.
Роскошь твоя – без конца.
Только зачем же я беден?
Небо, быть может, ты любишь, что падают слезы с лица?
Может, кому я свечу, потому что от боли я бледен?
Звезды ведь бледны на Млечном Пути.
Что ж, мое сердце, сердце людское,
Порвись и цвети.
Красок так много, возьми сочетанье любое,
В золоте, в пурпуре можешь возрасти,
Тешься, играй, расцвети, отцвети.
В Море утонешь, красиво оно, голубое.

СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ

Твой вечер настанет, и вместо всемирности вольного света,

За Солнцем погасшим, затеплишь ты в тесном покое свечу.
Твой вечер настанет. Кончается лето.
За летом? За осенью? Что там? Молчу.
Мы любим, хотя нам и жутко от тени.
Мы любам законченность комнат знакомых с узором немых половиц.
Крыльцо на запор. Не хрустнут ступени.
Немые!
Дрожат на стене, как живые,
Отраженья движений.
И в странном, в каком-то церковном сближенье сочетаются бледности лиц.
Без звука веселий,
Глаза утопают в глазах.
Что скрыто в их безднах? В них духи сейчас пролетали?
В них омут печали? В них сказка свидания? Страх?
Никто не придет к вам. На версты кругом закрутились завей метели.
Не плачь и не бойся. В затеях-завеях мы тонем, но светим, как звезды в ночах.

ПРИ МОРЕ ЧЕРНОМ

При Море черном стоят столбы.
Столбы из камня. Число их восемь.
Приходят часто сюда рабы.
И сонмы юных несут гробы.
Бледнеют зимы. И шепчет осень.

Порой и звери сюда дойдут.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуют? Что делать тут?
Пойдут, забродят, и упадут,
Устав стремиться, устав кружиться.

При Море черном стоят столбы.
От дней додневных. Число их грозно.
Число их веще меж числ Судьбы.
И их значенья на крик мольбы: —
Навек. Безгласность. Враждебность. Поздно.

В ПУТЬ

День меняется на вечер, коротается,
Солнце красное на Запад содвигается.
Лес зеленый на пределах стал светлей,
Лес зеленый в чаще принял тьму теней.
В путь-дорогу, в путь-дорогу, в даль скитания,
Воздохнув, пошли, идут мои мечтания.
Белый лик, тесовый гроб, туман, тоска.

В путь-дорогу. В путь. Дорога далека.

К НОРНАМ

Парки, Норны, Суденицы,
Назначающие час,
Необманные Девы,
Кто вам, страшным, предал нас?
Парки, Норны, Суденицы,
Скоро ль мой настанет час?

Ткань готова. Бредил Случай.
Я встречался с Красотой.
Больше, Миг, меня не мучай,
Не сменяй черту чертой.
Да укроюсь черной тучей,
Да упьюсь моей бедой.

Это – Было, Есть, и Будет –
Раздробило цельность сна.
Норны, Север да остудит
Сердце, где жила Весна.
Пусть меня весь мир забудет.
Мной забыт он. Тишина.

ТЕСНЫЙ ГРОТ

Тесовый гроб, суровый грот смертельных окончаний,
В пространстве узких тесных стен восторг былых лобзаний.

Тяжелый дух, цветы, цветы, и отцветанье тела,
Застылость чувственных красот, в которых жизнь пропела.

Безгласность губ, замкнутость глаз, недвижность ног уставших,
Но знавших пляску, быстрый бег, касанье ласки знавших.

Тесовый гроб, твой ценный клад еще прекрасен ныне,
Не сразу гаснет смелый дух померкнувших в пустыне.

Но, тесный грот, твой мертвый клад в ужасность превратится.
Чу, шорох. Вот. Безглазый взгляд. Чу, кто-то шевелится.

ПУТЬ ТУДА

Путь туда – бесповоротный,
В безывестную страну,
Может, к низости болотной,
Может, в вечную Весну,
Может, к радости вольготной,
Может, в омут, вниз, ко дну.

Лютый зверь туда прорыщет,
И навек прощайся с ним,
Путь туда едва кто ищет,
У живых он нелюбим,
Только Ветер, он просвищет,
Но воротится другим.

Ничего он не расскажет,
Только дивно воздохнет,
Тень от трав иною ляжет,
Ниже глянет Неба свод,
Сердце словно кто-то свяжет.
Тьма в нем, тьма в нем запоет.

СИНИЙ КАМЕНЬ

Если хочешь молча плакать с неразлучною тоской,
Приходи смотреть на травы, на осоку над рекой.
Травы белый цвет роняют на текучую волну.
Шелестит, шуршит осока. Боль в душе идет ко дну.

Приходи сюда к теченью, в преломлении зари.
Неподвижный Синий камень, как любимый, избери.
В тихом шелесте осоки, в белом цвете лепестков,
Ты уснешь на Синем камне, меж зеленых берегов.

Не увидят, не узнают, не притронутся к слезам.
Не увидишь сам, что видно душу синим Небесам.
Только дрогнешь, как приснится, что навек – река с тобой,
Неподвижный Синий камень, Небо, сумрак голубой.

ВСЕБЕСПРИУТНОСТЬ

Не вся ли Земля для меня – отчизна моя роковая?
Не вся ли Земля – для меня?
Я повсюду увижу – из серых туманов рождение красного дня,
И повсюду мне Ночь будет тайны шептать, непостижности звезд зажигая.
И везде я склонюсь над глубокой водой,

И, тоскуя душой, навсегда – молодой,
Буду спрашивать, где же мечты молодые
Будут счастливы, видя цветы золотые,
Без которых всечасно томится душа.
О, Земля одинакова всюду, в жестоком нежна, в черноте
Я повсюду найду глубину отражений зеркальных
Чьих-то глаз вопрошающих, сказок печальных,
В их сиянье немом темноты и огня.
Не вся ли Земля – нам отчизна, навек роковая?
И Небо, все Небо – для них, для меня, хороша.
Повсюду нас Ночь обоймет, нам звезды, как слезы, роняя.

БЛИЗ СИНЕГО КАМНЯ

Близ Синего камня песок золотой,
Песок золотой, измельченный Водой.

Вода – голубая, прозрачная днем,
И черная, злая во мраке ночном.

Близ Синего камня песок золотой,
И падает с Неба звезда за звездой.

Вода умножает и точит песок,
А Камень все тот же, и путь все далек.

Пути все далеки для тех, кто идет
Песком измельченным, над сказкою вод.

И вечно все тот же песок золотой,
Близ Синего камня, над вечной Водой.

ВОПЛЬ

Я верю в возможную силу и правду – его, всепобедного Света.
Но есть несчастливцы, что гибнут зимою, задолго до роскоши лета.

Я знаю, что много озер серебристых, в горах и в лесах первозданных.
Но сколько умерли в жаркой пустыне, без влаги, без капель желанных.

Я видел, как кондор царит над пространством, как мощь альбатроса прекрасна.
Но сколько убитых для них, именитых, подумать – подумать ужасно.

Я вижу, я слышу, я помню, я знаю, что было, что есть здесь, что будет.
Но, в бездну из бездны срываясь, в столетях, мой вопль никого не пробудит.

ОТСВЕТЫ

Мы – несколько маленьких раковин близ кипенья бессмертных морей.
Мы – несколько пенных узорностей, летим все скорей и скорей.

Мы – белые тучки, чуть видные, бахрома разорвавшихся гроз.
Мы таем, блистаем, и падаем слезами на мертвый утес.

Мы – стебли былинки, что выросли на разбитой стене крепостной.
Весною своею цепляемся за осень мечты неземной.

Мы думаем, будто мы думаем, нами думают вихри миров.
Мы – отзвуки тысячных отзвуков от звука нездешних громов.

Мы думаем, будто мы ведаем Воскресенья зиждательный свет.
Мы, бедные бледные отсветы оттуда, где места нам нет.

АМУЛЕТЫ ИЗ АГАТА

Gdzież jesteś, synu zemsty?
Kraśiński

Śpiewaj i przeklinaj!
Mickiewicz

Где же ты, сын мщенья?
Красинский

Пой и проклинай!
Мицкевич

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Черные вороны, воры играли над нами.
Каркали. День погасал.
Темными снами
Призрак наполнил мне бледный бокал.
И, обратившись лицом к погасающим зорям,
Пил я, закрывши глаза,
Видя сквозь бледные веки дороги с идущим и идущим сгорбленным Горем.
Вороны вдруг прошумели как туча, и вмиг разразилась гроза.
Словно внезапно раскрылись обрывы.
Выстрелы, крики, и вопли, и взрывы.

Где вы, друзья?
Странный бокал от себя оторвать не могу я, а сказка моя
Держит меня, побледневшего, здесь, заалевшими снами-цепями.
Мысли болят. Я, как призрак, застыл.
Двинуться, крикнуть – нет воли, нет сил.
Каркают вороны, каркают черные, каркают злые над нами.

АМУЛЕТЫ ИЗ АГАТА

Амулеты из агата,
И других цветных камней,
Ты дала мне в час заката,
В час заката красных дней.

Я с самим собой прощался,
О, Колдунья, и с тобой,
Обещал я, обещался
Быть в пещере голубой.

Да, к полднейной позолоте
Позабывши путь и след,
Подбирать в лазурном гроте
К амулету амулет.

Я свершил обет заклатья,
Я забыл, сдержав свой нрав,
Розы губ, восторг объятия,
Изумруды нежных трав.

Камни, камни заклинаний
Ты дала мне – вот они.
В их узорах – мир стенаний,
Чуть один пошевелини.

В них напевность так богата,
В их мерцаньях – смерть врагу.
Но враждою сердце смято,
Больше быть здесь не могу.

Стоны грома в миг раската,
Вот они – бери, скорей.
О, заклята жизнь агата,
Сколько воли в снах камней!

КРИК

Мой крик был бы светлым и юным, –
Не встретив ответа, он сделался злым.
И предал я дух свой перунам,
Я ударил по звонким рыдающим струнам,
И развеялась радость, как дым.

Я был бы красивым,
Но я встретил лишь маски тьмы тем оскорбительных лиц
И ум мой, как ветер бегущий по нивам,
Стал мнущим и рвущим, стал гневным, ворчливым,
Забыл щебетания птиц.

Над Морем я плачу,
Над холодной и вольной пустыней морей.
О, люди, вы – трупы, вы – звери, в придачу,
Я дни меж солеными брызгами трачу,
Но жить я не буду в удушье людей.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

Полночный час. Ведовски-страшный час.
День схоронен. И вновь родится сложность.
Разъять восторг и пытку – невозможность.
Из вышних бездн глядит бездонность глаз.

Как жутко мне. Вот глуше все и тише.
И веянье я слышу в тишине.
Так бархатно. Как будто льнет ко мне
Беззвучное крыло летучей мыши.

КРУГИ

Круговидные светила –
Без конца и без начала.
Что в них будет, то в них было,
Что в них нежность, станет жало.

Что в них ласка, есть отравы,
А из мрака, а из яда
Возникает чудо-слава,
Блеск заманчивый для взгляда.

Из вулканов, из обрывов,
Рудников и разрушенья –
Роскошь ярких переливов,
Драгоценные каменя.

Из кошмарности рождений,
С свитой грязи, крови, криков –
Светлый гений песнопений,
Сонмы стройных женских ликов.

А из жизни вновь могила,
И горят, лазурно, ало,
Круговидные светила,
Без конца и без начала.

ИНДИЙСКИЙ ТОТЕМ

Индийский тотем – жуткий знак,
Резная сложная колонна.
Из зверя – зверь. Кто друг, кто враг,
Не разберешь. Здесь все – уклонно.

Друг друга держат все во рту,
Убийца – каждый, и убитый.
Грызя, рожают красоту,
Глядят бесовски-волчьей свитой.

Уста, и пасть, и глаза,
Зверинокрылость, чудо-рыба.
В цветных зрачках горит гроза,
Жизнь в жизни – в змейностях изгиба.

И древо жизни мировой
Растет в чудовищной прикрасе,
Являясь мной, чтоб стать тобой,
Пьяня и множа ипостаси.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Святой Георгий, убив Дракона,
Взглянул печально вокруг себя.
Не мог он слышать глухого стона,
Не мог быть светлым – лишь свет любя.

Он с легким сердцем, во имя Бога,
Копье наметил и поднял щит.
Но мыслей встало так много, много,
И он, сразивши, сражен, молчит.

И конь святого своим копытом

Ударил гневно о край пути.
Сюда он прибыль путем избитым.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгий, святой Георгий,
И ты изведал свой высший час!
Пред сильным Змеем ты был в восторге,
Пред мертвым Змием ты вдруг погас!

ВСТРЕЧА

Сон жуткий пережил вчера я наяву.
По улице я шел – один, не я всегдашний,
Лишь тело, труп меня, что телом я зову.
Тюрьма передо мной своей грозила башней.

И вот навстречу мне идет моя душа,
Такая же, как я, до грани совпаденья.
Так прямо на меня, упорно, не спеша,
С решением немым жестокого виденья.

Мой труп упрямо шел. Был труден каждый шаг,
Но встреча этих двух сближалась неуклонно,
Как будто в зеркале, вот – я, но я – мой враг.
Идем. Тюрьма молчит. Враждебна высь, бездонна.

Все ближе, ближе мы. Бледнею я и он.
И вдруг нас больше нет. Миг ужаса. Миг встречи.
Ум вброшен в темноту. На башне тихий звон.
Кому-то целый мир, упав, налег на плечи!

ПРИЗРАЧНЫЙ НАБАТ

Я дух, я призрачный набат,
Что внятен только привиденьям.
Дома, я чувствую, горят,
Но люди скованы забвеньем.

Крадется дымный к ним огонь,
И воплем полон я безгласным, –
Гуди же, колокол, трезвонь,
Будь криком в сумраке неясном.

Ползет густой, змеится дым,
Как тяжкий зверь – ночная чара.
О, как мне страшно быть немым

Под медным заревом пожара!

ТЕТЕНЬКА ИЗ СЕЛА

– Тетенька, тетенька, миленькая,
Что ты такая уныленькая?
Или не рада, что к нам из села
В город пошла ты, и в город пришла?

– Эх ты, девчонка, горазда болтать.
Чуть подросла, от земли не видать,
Только и знаешь – шуршишь, словно мышь.
Что же ты тетку свою тормошишь?

– Тетенька, может, мой разум и мал,
Только вот вижу – наш смех замолчал.
Тетенька, право, мне страшно с тобой,
Точно здесь кто-то еще есть другой.

– Девонька, эти ты глупости брось,
К ночи нельзя так болтать на авось.
Лучше давай про село расскажу,
После помолимся, спать уложу.

В городе, девонька, все бы вам смех,
В городе много забав и утех.
Наши избенки-то, наше село
Лесом, потемками все облегло.

В лес за дровами – а там лесовик,
Вон за стволом притаился, приник.
Чур меня, крикнешь – он вытянет нос,
Так захохочет – по коже мороз.

Ночью, как это так выйдешь на двор,
Звери какие-то смотрят из нор,
Совы на крыше усядутся в ряд,
Углем глаза, как у ведьмы, горят.

В избу назад – а в клетки домовой,
Ты на полати – а он уж с тобой,
Вот навалился – и стонешь во сне,
Душно так, тяжело так, страшно так мне.

Нежити ходят, бормочут во тьму,
Шепчут, скривясь, – ничего не пойму.
Словно они балалаечники,
Башники, перебашники.

Тетка умолкла. Девчонка спала.
Тетки дослушать она не могла.
Обе застыли, я в комнате той
Явно, что кто-то еще был другой.

ПОДМЕНЬШ

Я мать, и я люблю детей.
Едва зажжется Месяц, серповидно,
Я плачу у окна.
Мне больно, страшно, мне мучительно-обидно.
За что такая доля мне дана?
Зловещий пруд, погост, кресты,
Мне это все отсюда видно,
И я одна.
Лишь Месяц светит с высоты.
Он жнет своим серпом? Что жнет? Я брежу.
Полно. Стыдно.
Будь твердой. Плачь, но твердой нужно быть.
От Неба до Земли, сияя,
Идет и тянется нервущаяся нить.
Ты мать, умей, забыв себя, любить.
Да, да, я мать, и я дурная,
Что не умела сохранить
Своих детей.
Их всех сманила в пруд Колдунья злая,
Которой нравится сводить с ума людей.
Тихонько ночью приходила,
Когда так крепко я спала,
Мой сон крепя, детей будила.
Какая в ней скрывалась сила,
Не знаю я. Весь мир был мгла.
Своей свечой она светила,
И в пруд ее свеча вела.
Чем, чем злодейка ворожила,
Не знаю я.
О, с теми, кто под сердцем был, расстаться,
О, жизнь несчастная моя!

Лишь в мыслях иногда мы можем увидаться,
Во сне.

Но это все – не все. Она страшней, чем это.
И казнь безжалостней явила Ведьма мне.
Вон там, в сиянье месячного света,
В той люльке, где качала я детей,
Когда малютками они моими были,
И каждый был игрушкой моей,
Пред тем, как спрятался в могиле

И возрастил плакун-траву,
Лежит подменыш злой, уродливый, нескладный,
Которого я нежитью зову,
Свирепый, колченогий, жадный,
Глазастый, с страшною распухшей головой,
Ненасыσιμο-плотоядный,
Подменыш злой.
Чуть взглянет он в окно – и лист березы вянет.
Шуршит недобрый вихрь желтеющей травой, –
Вдруг схватит дудку он, играть безумно станет,
И молния в овины грянет,
И пляшет все кругом, как в пляске хоровой,
Несутся камни и поленья,
Подменыш в дудку им дудит,
А люди падают, в их сердце онеменье,
Молчат, бледнеют – страшный вид.
А он глядит, глядит стеклянными глазами,
И ничего не говорит.
Я не пойму, старик ли он,
Ребенок ли. Он тешится над нами.
Молчит и ест. Вдруг тихий стон.
И жутко так раздастся голос хилый: –
«Я стар, как древний лес!»
Повеет в воздухе могилой.
И точно встанет кто. Мелькнул, прошел, исчез.

Однажды я на страшное решилась: –
Убить его. Жить стало невтерпеж.
За что такая мне немилость?
Убрать из жизни эту гнилость.
И вот я наточила нож.
А! как сегодня ночь была, такая.
На небе Месяц встал серпом.
Он спал. Я подошла. Он спал. Но Ведьма злая
Следила в тайности, стояла за углом.
Я не видала. Я над ним стояла:
Я только видела его.
В моей душе горело жало.
Я только видела его.
И жажду тешила немую: –
Вот эту голову, распухшую и злую,
Отрезать, отрубить, чтобы исчез паук,
Притих во мраке гробовом.
«Исчезнешь ты!» И я ударила ножом.
И вдруг –
Не тело предо мной, мякина,
Солома, и в соломе кровь,
Да, в каждом стебле кровь и тина.
И вот я на пруду. Трясина.
И в доме я опять. И вновь
Белеет Месяц серповидно.
И я у моего окна.

В углу подменыша мне видно.
Там за окном погост. Погост. И я одна.

НЕТ СЛЕЗ

Нет слез. Я больше плакать не умею,
С тех пор как посвящен я в колдуны.
О, Вещая Жена! Я ведал с нею
Ведовское. На зов ее струны
Скликались звери. Говор человеческий
Был меж волков лесных. А меж людей
Такие, в хрипах, слышались мне речи,
Что нет уж больше слез в душе моей.
Кто там под пыткой? Кто кричит так звонко?
Молчу. Себя заклял я колдовски.
Мучь всех! Меня! Мучь моего ребенка!
Мольбы не будет. Кровь забьет в виски.
Забьется в голове как тяжкий молот.
Но слез моих тебе, палач, не знать.
Пусть будет самый свод Небес расколот.
Ты проклят. Тверды мы. И эту рать
Не победить палачеством убогим.
Мы все растем. Стальнеет пытка в нас.
Минуты время движут кругом строгим.
Ты проклят! Проклят! Жди! Еще лишь час!

ОТЗВУК НАРОДНОГО

Уж ты, Солнце, Солнце красно,
Ты с полуночи взойди,
Чтоб очам не ждать напрасно,
Кто там, что там впереди.
Чтоб покойникам в могиле
Не во тьме глухой сидеть.
Чтобы с глаз они сложили
Закрывающую медь.

Уж ты, Месяц, Месяц ясный,
Глянь, и с вечера взойди,
Чтоб забыть о муке страстной,
Что осталась позади.
Чтобы мертвым, властью слова,
Властью света твоего,
Не крушить, из-за бывшего,
Ретивого своего.

Уж ты, Втер, Ветер буйный,
Ты с полуночи возвей,
Многовейный, многоструйный,
Будь отрадою моей.
Возвести моим родимым,
Что и в нас бесстрашный свет.
Все мы бросим, пустим дымом,
Но пойдем за ними вслед.

ЗАРЯ-ЗАРЯНИЦА

Заговор

Заря-Заряница,
Красная Девица,
Красная Девица, полуночница.
Красные губы,
Белые зубы,
Светлые кудри, светлоочница.
Все ли вы, Зори,
В красном уборе,
С кровавыми лентами, рдяными?
Вечно ли крови,
Встари и внови,
Розами быть над туманами?
Заря-Заряница,
Красная Девица,
Будь ты моею защитою,
От вражьей силы,
Довременной могилы,
И от жизни, тоскою повитою.
По какому наитью,
Рудожелтою нитью,
Ты, иглой золотою, проворною
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Свой узор над трясиною черною?
Чудо-девица,
Заря-Заряница,
Заря-Заряница прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости в краске,
Будет уж, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись.
Будет нам, уж будет этой злости.
Или ты, Заря,
Каждый день горя,
Так и не узнаешь нужной жалости?

ЗАКЛИНАНИЕ

Месяц, Месяц, зачем ты мне дан?
Ты неясно мне светишь в ночах.
Ты застывший потухший вулкан.
Месяц, Месяц, зачем сквозь туман
Ты застылый внушаешь мне страх?

Ветер, Ветер, зачем средь ветвей,
Очерненных осенней порой,
Ты шуршишь все странней и странней?
Ветер, что ж в этой песне твоей,
Или только играешь ты мной?

Месяц, Ветер, я верным вам был,
Дайте сил мне мой мир возродить.
Если ж нет возрождающих сил,
Месяц, Месяц, светило могил,
Дай последнюю власть: – Отомстить.

АМУЛЕТ

Ты дала мне амулет,
Для веселий и побед,
Странно в нем сияют светы.
Ты дала мне амулет
В той стране, где все предметы –
Волхованье, амулеты.

Грозен звук гортанных слов.
Нет цветов там без щипов,
Без уколов или яда.
Хищный клекот вещей слов
Манит слух, но в нем засада,
Как засада в зыби взгляда.

В этом крае Красоты,
Где отчетливы черты
Гор, скрывающих обманы,
В этом царстве Красоты
Всюду вражеские станы,
А с высот глядят вулканы.

Дротик метко достает,
Чуть коснется, кончен счет,

Там отравленные стрелы.
Лук поет и достает,
Чуть задет ты, онемелый
Ты уж мертвый, ты уж белый,

В этом крае вечных чар,
Чтобы меток был удар,
Ты меня околдовала,
И, вложив змеиность чар
В круг узорный из опала,
Ты меня мечтой связала.

Сильный этою мечтой,
Очерненный чернотой,
Недруг духам отупелым,
Амулет с твоей мечтой
Обращу я к их пределам,
Будет, будет враг мой белым.

ДРАКОНИТ

Темный камень драконит
Уж не так хорош на вид.
Изумруд его нежней,
В бриллианте свет сильней.
И нежней его опал,
И рубин пред ним так ал.
И однако драконит
Тем хорош, что верно мстит.
Чтоб достать его, дождись,
Как ущербный Месяц вниз,
Над пещерой колдовской,
Желтой выгнется дугой.
Там Дракон в пещере спит,
В мозге зверя – драконит.
Гибок Змей, но мозг его
Неуклоннее всего.
Мозг Дракона – весь в узлах,
Желтый в них и белый страх.
Красный камень и металл
В них не раз захохотал.
Темный в этом мозге сон,
Черной цепью скован он.
Желтый Месяц вниз глядит.
Вот он камень драконит.
Тише, тише подходи,
В сне Дракона не щади.
Замер в гресе он своей.
Метко целься, прямо бей.

Поразив его меж глаз,
Мозг исторгни, и сейчас
Пред тобою заблестит
Страшный камень драконит.
С этим камнем – на врага
Реки бросят берега,
И хоть будь твой враг велик,
Он в воде потонет вмиг.
Этот камень-амулет
Много даст тебе побед.
Вещий камень драконит,
Зеленя, метко мстит.
Этим камнем под Луной
Поиграй во тьме ночной.
Дальний враг твой ощутит,
Мстит ли камень драконит.

ПРИТЧА О ВЕЛИКАНЕ

Был в мире древний Великан,
Без сердца исполин.
Он был как между гор туман,
Он был чумой для многих стран,
Угрюм, свиреп, один.

Он сердце вынул у себя,
И спрятал далеко.
Не дрогнет гром, скалу дробя,
Хоть громок он; и лишь себя
Люби, – убить легко.

Без сердца жадный Великан
Давил людей кругом.
Едва расправит тяжкий стан,
Как в рот свой, точно в страшный чан
Кровавый бросит ком.

А сердце где же? Топь болот
Чудовищный пустырь.
Который год там дуб растет,
С дуплом, и дуб тот стережет
Слепой и злой Упырь.

Внутри дупла, как черный гад,
Уродливый комок.
Он шевелится, говорят,
Мохнат, он судорожно рад
В час казни, в страшный срок.

Едва свирепый Великан
За горло хватя кого, –
Паук заклятый топких стран,
Комок в дупле как будто пьян,
Дуб чувствует его.

В дупле шуршание и смех.
Что жизнь людей? Пузырь.
В дупле сам Дьявол, черный грех,
И в соучастии утех,
Скрипит слепой Упырь.

Но крылья ведают полет.
Стремленье знает путь.
И кто воздушен, тот пройдет
Все срывы ям, всю топь болот,
Чтоб цели досягнуть.

Комок кровавый, злой обман,
Ты взят моей рукой!
Последний миг свирепым дан,
И был, лишь был он, Великан,
Объят он смертной мглой!

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕР

Сестры, сестры, Лихорадки,
Поземельный взбитый хор!
Мы в Аду играли в прятки.
Будет! Кверху! Без оглядки!
Порадеет хор сестер.

Мы остудим, распростудим,
Разогреем, разомнем.
Мы проворны, ждаться не будем.
Сестры! Сестры! Кверху! К людям!
Вот, мы с ними. Ну, начнем.

Цепко, крепко, Лихорадки,
Снова к играм, снова в прятки.
Человек – забава нам.
Сестры! Сестры! По местам!
Все тринадцать – с краснобаем.
Где он? Жив он? Начинаем.

Ты, Тряся, дай ему
Потрястись, попав в тюрьму.

Ты, Огнея, боль продли,

Прах земли огнем пали.

Ты, Ледея, так в озноб
Загони, чтоб звал он гроб.

Ты, Гнетя, дунь на грудь,
Камнем будь, не дайдохнуть.

Ты, Грудя, на груди
Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухя, плюнь в него,
Чтоб не слышал ничего.

Ты, Ломя, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухня, знай свой срок,
Чтоб распух он, чтоб отек.

Ты, Желтя, в свой черед,
Пусть он, пусть он расцветет.

Ты, Корчая, вслед иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядея, встань как бес,
Чтобы сон из глаз исчез.

Ты, Сухя, он уж плох,
Сделай так, чтоб весь иссох.

Ты, Невя, всем сестра,
Пропляши ему «Пора».

В Человеке нет догадки.
Цепки, крепки Лихорадки.
Всех Сестер тринадцать нас.
Сестры! Книзу! Кончен час!

СИНИЕ МОЛНИИ

Как в глубинностях Моря, в
глубинах Народной души –
скрываются чудо-хоромы – там
таятся, среди жемчугов, огнеглазые
громы. – Миг синих расцветов, спеши!
Голос Прилива

В БЕЗМЕРНОМ ВСЕ

В безмерном Все я только быстрый атом.
Но нить меня, – вселенной в Мире нет.
Вселенных – тьма. И свежим ароматом
Цветут цветы бездонность пышных лет.

В безмерном Все я малая былинка.
Но нет меня, – нет в Мире красоты.
Безумец! Знай, что в должный миг снежинка
Лавину сбросит с высоты!

ЭЛЕКТРОН

Электрон, камень-Алатырь,
Горюч-могуч-янтарь!
Гори! На нас восстал Упырь,
Отвратных гадов царь!

Заветный камень-Светозар,
Рождение волн морских!
Как в Море – глубь, в тебе – пожар.
Войди в горючий стих!

О, слиток горечи морской,
И светлых слез Зари!
Электрон, камень дорогой,
Горя, враждой гори!

Волна бежит, волну дробя,
Волна сильнее, чем меч!
Электрон, я заклил тебя.
Ты, вспыхнув, сможешь сжечь!

КАМЕНЬ-АЛАТЫРЬ

На Море-Океане,
На острове Буяне,
Меж камней-богатырь
Есть Камень-Алатырь.

Он бел-горюч и ярок,
Неостудимо жарок.

Красив его изгиб,
Кипит тот Камень-кип.

Горит тот Камень-чудо,
Что лучше изумруда.
Он каждый миг – живой,
Тот Камень солнцевой.

Под Камнем тем сокрыта
Мечта, что не изжита.
Спеши к нему скорей.
Коснись до тайн морей.

Все шире Море, шире.
На Камне-Алатыре
Сидит, в лучах горя,
Громовница-Заря.

Сидит Девица Красна,
Смеется безучастно.
Смешинки Девы той –
Рассветы над водой.

А раз придет охота,
Совсем тот смех без счета, –
Смеяться так начнет,
Что молния сверкнет.

Все звонче смех певучий,
Пожаром рдеют тучи.
Огниста Красота,
Светла ее фата.

На море-Океане,
На острове Буяне,
Я Деву ту любил,
У ней в гостях я был.

Я был на этом Камне,
И заговор дала мне
Она в Огне живом,
На Камне солнцевом.

О, заговор тот властный!
Он дан мне Девой страстной.
Все покорю я с ней.
Гори, Огонь, сильней!

Лишь Камень кто изложет,
Тот заговор мой сможет
Лишить его лучей.
Гори, Огонь, скорей!

Но Камень кто ж изложет,
Кто пламень превозможет?
Привет сиянью дней.
Гори, Огонь, сильней!

ВОЗЗВАНИЕ К ПЕРУНУ

Уж льды в реках прошли,
Звения в скопленье тесном,
Уж молнии цвели
На Дереве небесном.

А дерево росло,
Во славу Человека,
С ветвей своих, светло,
Роняя медь и млеко.

Роняя чудо-сны,
Основу пенопены,
С воздушной вышины
Лучистые каменя.

Исполни же теперь,
Перун, слова обета,
Раскрой в темницах дверь,
И выпусти мне лето.

Скорей, скорей, Перун,
Что должно, то исполни,
И дай мне звоны струн,
И дай цветы из молний!

К ПЕРУНУ

Бог ветров и бурных гроз,
Бог Славян, Перун,
Ты мне дал волну волос,
Золотистых струн.

Струн курчавых, не прямых,
Светлых завитков,
Золотистый дал мне стих,
Много дал стихов.

Бог пожаров между туч,

Грезы огневой,
Ты велел мне: Будь певуч,
В жизни – будь живой.

Влил ты молнии в мой стих,
И сказал мне: – Жги.
Бог пожаров грозовых,
Преодо мной – враги.

Бог зиждательных дождей,
Влаги и огня,
В ярком пламени страстей
Не покинь меня.

Дай мне, дай мне взрывов злых
Для журчанья струн,
Лестью сделай ты мой стих,
За моих, Перун!

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗ

Красной калиной покой свой убрав,
Принеся в него много лесных, стреловидных, как будто отточенных, трав,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горит ли в ней серебро, ярко ли золото.
Все как и нужно кругом.
Мысли такие же в сердце, сверкают, цветятся огнем.
Сердце колдует.
Что это? Что это там за окном?
Дрогнула молния в Небе! Темнеет оно. Негодует?
Или довольно, что в этом вот сердце пожар?
Ветер прерывисто дует.
Гром.
Гулко гремит за ударом удар.
Длится размах грозового раската.
Светится золотом малая хата.
И, опоясан огнем,
В брызгах, в изломах червленого золота,
В рокотах струн,
Сея алмазы продольным дождем,
В радостях бури, в восторге возврата,
Мчится – Перун.

ЗМЕЯ-МЕДЯНИЦА

Змея-Медяница, иначе Медянка,

Год целый бывает слепа.
И пусть перед нею любая приманка,
Она неподвижно-тупа.
Но дивные чары Ивановой ночи
Ей острое зрение дают.
Сверкают змеиные рдяные очи,
Смотри, не встречайся ей тут.
Хоть будь ты одет перед нею броней,
Бороться, надеяться, брось, –
Она, на врага устремившись стрелою,
Его пробивает насквозь.

Змея-Медяница, что раз только летом
Являет всю силу свою,
Знакома с Перуновым огненным цветом,
Он рдяную любит змею.
В лесу, из гниения гадов зловердных,
Трава-Медяница растет,
И ночью Ивановой, в отблесках медных,
Цвет огненный недруга ждет.
И горе, коль ты, этой чары не зная,
По чаще пойдешь на авось, –
Трава-Медяница, взметнувшись, живая,
Врага пробивает насквозь.

СКУПЕЦ

Русское сказание

Бог Землю сотворил, и создал существа,
Людей, зверей, и птиц, и мысли, и слова.
Взошла зеленая, желая пить, трава.

Бог Землю сотворил, и вдунул жизнь в живых,
Но жаждали они всей силой душ своих,
И Воду создал Бог для жаждущих земных.

Изрыл Он ямины огромные в земле,
Он русла проложил, чтоб течь ручьям во мгле,
Ключ брызжащий исторг из мертвых глыб в скале.

И птицам, чья судьба – близ туч небесных быть,
Кому так свойственно порыв ветров любить,
Велел Он помогать, чтоб все имели пить.

Низвергнув с высоты безмерности дождей,
Он птицам повелел нести их в ширь полей,
Уравнивать моря, кропить, поить ручей.

Повиновались все. Дождям пришел конец.
И лишь была одна, чье прозвище скупец,
Ничтожно-малая, как бы навек птенец.

Скупец чирикнул так: Не нужно мне озер.
Не нужно мне морей. Зачем мне их простор?
На камне я напьюсь. Помочь другим? Вот вздор!

Разгневался Творец, устав скалу дробить.
И в жажде навсегда велел скупцу Он быть.
И вечен писк скупца. Пить, пить, кричит он, пить.

ЗАГОВОР

От двенадцати девиц

Под дубом под мокрецким,
На тех горах Афонских,
Сидит Пафнутий старец,
Тридесять старцев с ним.
Двенадцать идут к ним
Девиц простоволосых,
Девиц простопоясых,
Не по-людски идут.
Рече Пафнутий старец:
Кто к нам сии идоша?
Рекут ему девицы:
Все – дочери мы Царя.
Отец наш есть Царь Ирод,
Идем знобить мы кости,
Идем мы тело мучить,
Двенадцать девиц.
Ко старцам обращаясь,
Рече Пафнутий старец:
Сломите по три прута,
И бити станем их.
По утренних три зори,
По три зари вечерних,
Взяв каждый по три прута,
Нещадно станем бить.
К тринадцати старцам,
К Пафнутию, ко старцу,
Взмолились тут девицы,
В ничто их бысть мольба.
Начаша старцы бити,
Их бити, им глаголя:
Ой вы еси, девицы,
Двенадцать девиц!
Вы будьте, тресуницы,

Вы будьте, водяницы,
Расслабленны и хилы,
Живите на воде.
На ней, на студенице,
Вам место, а не в мире,
Вы кости не знобите,
Не мучьте вы тела.
В таргарары идите,
Двенадесять проклятых,
Вам в море-океане
И в преисподней быть.
В трясилах, на болотах
Вам место, окаянным.
Недуги, принедуги,
Полунедуги, прочь!

ЛИХО

Украинская сказка

Жить было душно. Совсем погибал я.
В лес отошел я, и Лиха искал я.
Думу свою словно тяжесть несу.
Шел себе, шел, и увидел в лесу
Замок железный. Кругом – черепа, частоколом.
Что-то я в замке найду?
Может, такую беду,
Что навсегда позабуду, как можно быть в жизни веселым?
Все же иду
В замок железный.
Вижу, лежит Великан.
Вид у него заграпезный.
Тучен он, грязен, и нагл, и как будто бы пьян.
Кости людские для мерзкого – ложе.
Лихо! Вокруг него – Злыдни, Журьба.
А по углам, вокруг стола, по стенам, вместо сидений, гроба.
Лихо! Ну что же?
Я Лиха искал.
Страшное Лихо, слепое.
Подчует гостя. «Поешь-ка». Мне голову мертвую дал.
Взял я ее да под лавку. Лицо усмехнулось тупое.
«Скушал?» спросил Великан.
«Скушал». Но Лихо уж знало, какая сноровка
Тех, кто в бесовский заходит туман.
«Где ты, головка-мутовка?»
«Здесь я, под лавкою, здесь».
Жаром и холодом я преисполнился весь.
«Лучше на стол уж, головка-мутовка.
Скушай, голубчик, ты будешь, сам будешь, вкусней».

В эту минуту умножилось в мире число побледневших людей.
Поднял я мертвую голову, спрятал на сердце. Уловка
Мне помогла. Повторился вопрос и ответ.
«Где ты, головка-мутовка?»
«Здесь я под сердцем». – «Ну, съедена значит», подумал дурак-людоед.
«Значит, черед за тобой», закричало мне Лихо.
Бросились Злыдни слепые ко мне, зашаталась слепая Журьба.
В нежитей черепом тут я ударил, и закипела борьба,
Бились мы. Падал я. Бил их. Убил их. И в замке железном вдруг сделалось тихо.
Вольно вздохнул я. Да здравствует воля, понявшего чудищ, раба!

ТРИ БЫЛИНКИ

Заговор

Все мне грезятся мысли о воле.
Выхожу я из дома сам-друг,
Выхожу я во чистое поле,
Прихожу на зеленый луг.
На лугу есть могучие зелья,
В них есть сила, а в силе веселье.
Все цветы, как и быть надлежит, по местам.
И, мечту затаив в себе смелую,
Три былинки срываю я там,
Красную, черную, белую.
Как былинку я красную буду метать
Так далеко, что здесь никому не видать,
За шумящее синее Море,
К краю мира, на самый конец,
Да на остров Буян, что в кипящем просторе,
Да под меч-кладенец.
Зашумит и запенится Море.
А былинку я черную бросить хочу
В чашу леса узорного,
Я ее покачу, покачу
Под ворона черного.
Он гнездо себе свил на семи на дубах,
А в гнезде том уздечка покоится бранная,
На дубовых ветвях,
Заклятая, для сердца желанная,
С богатырского взята коня.
Упадет та уздечка, блестя и звеня.
Вот былинка еще остается мне, белая,
Я за пояс узорчатый эту былинку заткну,
Пусть колдует она, онемелая,
Там завит, там зашит, зачарован колчан,
В заостренной стреле заложил я весну.
Трем былинкам удел побудительный дан,
И мечта – как пожар, если смелая.

Мне от красной былинки есть меч-кладенец,
Мне от черной былинки есть взнузданный конь,
Мне от белой былинки – мечтаний конец –
Есть колчан, есть стрела, есть крылатый огонь.
О, теперь я доволен, я счастлив, я рад,
Что на свете есть враг-супостат!
О, на этом веселом зеленом лугу
Я навстречу бросаюсь к врагу!

НАГОВОР НА НЕДРУГА

Ворожба

Я ложусь, благословясь,
Встану я, перекрестясь,
Из избы пойду дверями,
Из сеней я воротами
Против недруга иду.
Позабывши о неволе,
Там, далече, в чистом поле,
Раноутренней росой
Освежусь, утрусь зарею,
И зову на бой беду!
Белым светом обнадежен,
Красным светом опригожен,
Я подтычуся звездами.
Солнце красное над нами,
И в сияющей красе,
Как у Господа у Бога,
Из небесного чертога,
Алый день встает, ликуя,
Ненавистника сражу я,
Да возрадуются все!

ЧЕРВЬ КРАСНОГО ОЗЕРА

Ирландская легенда

В Донегаде, на острове, полном намеков и вздохов,
Намеков и вздохов приморских ветров,
Где в минувшие дни находилось Чистилище, –
А быть может, и там до сих пор,
Колодец-Пещера Святого Патрика, –
Пред бурю в воздухе слышатся шепоты,
Голоса, привидения звуков проходят.

Они говорят и поют.
Поют, упрекают, и плачут.
Враждуют, и спорят, и сетуют.
Проходят, бледнеют, их нет.
Кто сядет тогда над серебряным озером,
Под ветвями плакучими ивы седой,
Что над глинистым срывом,
Тот узнает над влагой стоячею многое,
Что в другой бы он раз не узнал.
Тот узнает, из воздуха, многое, многое.

В Донегаде другое есть озеро, в чаше Лаф Дерг,
Что по-нашему – Красное Озеро.
Но ни в бурю, ни в тишь к его водам нельзя подходить.
В те старинные дни, как не прибыл еще
К берегам изумрудной Ирландии
Покровитель Эрида, Патрикк,
Это озеро звалось озером Фина Мак-Колли.
И недаром так звалось оно.
Тут была, в этом всем, своя повесть.

Жила, в отдаленное время, в Ирландии
Старуха-колдунья, чудовище,
Что звалась Ведьмою с Пальцем,
И сын был при ней, Исполин.
Та вещая Ведьма любила растенья,
И ведала свойства всех трав,
В серебряном длинном сосуде варила
Отравы, на синем огне.
А сын-Исполин той отравой напаивал стрелы,
И смерть, воскрыляясь, летала
С каждой стрелой.
На каждой руке у Колдуньи, как будто змеясь,
По одному только было
Длинному гибкому пальцу.
Да, загибались
Два эти длинные пальца,
В час, как свистела в разрезанном воздухе,
Сыном ее устремленная,
Отравой вспоенная,
Безошибочно цель достающая, птица-стрела.
Ведьмою с Пальцем
Было немало подобрано тех. до кого прикоснулась,
Ядом налитая, коготь-стрела.

В Ирландии правил тогда король благосудный Ниуль.
Он созвал Друидов,
И спросил их, как можно избавиться
От язвы такой.
Ответ был, что только единый из рода Фионов
Может Колдунью убить,
И убить ее должно серебряной меткой стрелой.

Самым был славным и сильным из смелых Фионов
Доблестный, звавшийся Фином Мак-Колли.
Сын его был Оссиан,
Дивный певец и провидец,
Видевший много незримого.
Слышавший, кроме людского,
Многое то, что звучит не среди говорящих людей.
Был также славный Фион, звавшийся Гэлом Мак-Морни.
Был также юный беспечный, что звался Куниэн-Миуль.
Все они вместе, по слову Друидов,
Отправились к чаще, излюбленной Ведьмою с Пальцем.
Они увидали ее на холме.
Она собирала смертельные травы,
И с нею был сын-Исполин.
Мак-Морни свой лук натянул,
Но стрела, просвистев, лишь задела
Длинный колдуний сосуд,
Где Ведьма готовила яд,
Кувырнулся он к синему пламени,
Ушла вся отравы в огонь.
Исполин, увидав наступающих,
На плечи схватил свою мать
И помчался вперед,
С быстротой поразительной,
Через топи, овраги, леса.
Но у Фина Мак-Колли глаза были зорки и руки уверены,
И серебряной меткой стрелой
Пронзил он ведовское сердце.
Гигант продолжал убегать.
Он с ношей своей уносился,
Пока не достиг, запыхавшись,
До гор Донегаль.
Пред скатом он шаг задержал.
Назад оглянулся,
И, вздрогнув, увидел,
Что был за плечами его лишь скелет:
Сведенные руки и ноги, да череп безглазый, и звенья спинного хребта.
Он бросил останки.
И вновь побежал Исполин.
С тех пор уж о нем никогда ничего не слыхали.

Но несколько лет миновало,
Сменилися зимы и весны,
Не раз уже лето, в багряных и желтых
Листах, превратилось в осень,
И те же, все те же из славных Фионов
Охотились в местности той,
Скликалась, кричали, смеялись, шутили,
Гнались за оленем, и места достигли,
Где кости лежали, колдуний скелет.
Умолкли, бывшее припомнив, и молча
Напевы о смерти слагал Оссиан.

Вдруг карлик возник, рыжевласый, серьезный,
И молвил: «Не троньте костей.
Из кости берцовой, коль тронете кости,
Червь глянет, и выползет он,
И если напиток найдет он довольно,
Весь мир может он погубить».
«Весь Мир», прокричал этот карлик серьезно,
И вдруг, как пришел, так исчез.
Молчали Фионы. И в слух Оссиана
Какие-то шепоты стали вноситься.
Тихонько, неверно, повторно, напевно,
Как будто бы шелест осоки под ветром,
Как будто над влагой паденье листов.
Молчали Фионы. Но юный беспечный,
Что звался Куниэн-Миуль,
Был малый веселый,
Был малый смешливый,
Куда как смешон был ему этот карлик,
Он кости берцовой коснулся копьем.
Толкнул ее, выполз тут червь волосатый,
Он длинный был, тощий, облезло-мохнатый,
Куниэн-Миуль взял его на копье,
И поднял на воздух, и бросил со смехом,
Далеко отбросил, и червь покатился,
Упал, не на землю, он в лужу упал.
И только напился из лужи он грязной,
Как вырос, надулся, раскинулся тушей,
И вдоль удлинился, и вверх укрепился,
Змеей волосатой, мохнатым Драконом,
И бросился он к опрометчивым смелым,
И тут-то был истинный бой.

Кто знает червей, тот и знает драконов.
Кто знает Змею, тот умеет бороться,
Кто хочет бороться, тот знает победу,
Победа к бесстрашным идет.
Но как иногда ее дорого купишь,
И сколько в борении крови прольется,
Об этом теперь говорить я не буду,
Не стоит, не нужно сейчас.

Я только скажу вам, кто внемлет напеву,
Я был в Донегале, на острове вздохов,
Я был там под ивой седой,
Я многое видел, я многое слышал,
И вот мой завет вам: Не троньте костей.
Коль нет в том нужды, так костей вы не троньте,
А если так нужно, червя не поите,
Напитка не дайте ему.
Так мне рассказали на острове древнем,
Пред бурей, над влагой, над глинистым срывом,
Сказали мне явственно там

Шепоты в воздухе. В воздухе.

ГРОМОВЫЙ КАМЕНЬ

Громовый Камень был как мертвый гнет.
И шли часы. И каждый день был год.
И шли года. Но в царстве мертвых льдов
Ходила Мысль дорогою ветров.

Ходила, и будила, говоря,
Что красная готовится заря,
Что мертвый камень, ныне тяжкий свод,
Громовыми цветами зацветет.

В морях небес будя и высь и дно,
Сплела она заветное Руно.
Враждебности в незримом созвала,
Глазам вражды в глаза взглянуть дала.

Дождем обильным рухнули мечты,
Громовый Камень сброшен с высоты.
И стиснутость, в свободу превратясь,
В громовый час расцветами зажглась.

ПРАЗДНИК СЖИГАНЬЯ

От колеса солнечной колесницы
Небесный огонь долетел до людей,
Факел зажег для умов, в ореоле страстей.
От колеса солнечной колесницы
Кто-то забросил к нам в души зарницы,
Дал нам властительность чар,
Тайну змеиных свечей,
Для созвания змей
На великий пожар,
На праздник сжиганья змеиных изношенных кож,
Чешуйчатых звений,
Когда превращается старая ложь,
И лохмотья затмений,
Во мраке ночном,
В торжествующий блеск самоцветных горений,
Тишина обращается в гром,
И пляшут, к Востоку от Запада, в небе, кругом,
К низинам отброшены вышней пучиной,
Синие молнии, синие молнии, чудо раденья громовых лучей,
Слившихся с дрожью светло-изумрудных, хмельных новизной, змеиных очей.

О, праздник змеиный!
О, звенья сплетенных,
Огнем возрожденных,
Ликующих змей!

НА СИНЕМ МОРЕ

Заговор

Есть светлое Синее Море,
На светлом на Синем на Море,
Есть Остров, на Острове Камень,
И Остров и Камень тот – синь.
На Камени, в синей одежде,
Сидит Человек белоликий,
И лук у него бестетивный,
Лук синий для синих пустынь.
И синей стрелою без перьев
Стреляет он в притчи, в призоры.
Во всякую нечисть, в притворства,
В телесный и в думный излом.
В Серебряном Море, напротив,
Серебряный Остров и Камень,
Серебряный кто-то на Камне
Ему отвечает как гром.
Ему подпевает пособно,
Стрела за стрелой улетает,
Над дивной Рекой поперечной
Огонь разрастается, синь.
Так сгиньте же, ковы, приборы,
Рассейтесь вы, притчи и чары,
Я стрелы вам здесь заостряю,
Аминь, говорю я, аминь.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 2.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>